

Оригинальная статья
УДК 811.112
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117>

О границах языковых и политических (на примере рипуарской диалектной группы)

Елена Сергеевна Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>*

Введение. В статье рассматривается рипуарская диалектная группа, распространенная на территории трех современных государств – Германии, Бельгии и Нидерландов. Актуальность ее обусловлена поднятием вопроса о восприятии диалекта его носителями, при этом особое внимание уделено языковой ситуации в Бельгии. Научная новизна заключается в попытке определения соотношения государственных и языковых границ в указанном регионе.

Методология и источники. Статья написана на базе исследований отечественных и зарубежных лингвистов по диалектологии (В. М. Жирмунский, Ф. Мюнх, В. Хаубрихс) и диалектографии (К. Хааг, А. Бах, Х. Кахот и Х. Беккерс). Для характеристики диалектов были использованы описательный и сопоставительный методы. Анализ социолингвистического положения диалектов опирался на работы П. Ауэра, Т. Фрингса, Х. Кахота, Х. Беккерса и др. Кроме того, для отслеживания актуальной точки зрения носителей диалектов привлекались данные бельгийских интернет-сайтов и форумов. Подобный комплексный метод позволяет оценить не только лингвогеографические, но и новейшие экстралингвистические данные.

Результаты и обсуждение. В статье рассматриваются область распространения и характерные признаки рипуарских диалектов, история их употребления на территории Германии, Нидерландов и Бельгии, при этом особое внимание уделяется влиянию диалекта Кёльна. Также анализируется положение рипуарских диалектов в Восточных кантонах современной Бельгии. Затрагиваются проблемы языковой самоидентификации носителей рипуарских диалектов и их ассоциация с литературным верхненемецким языком, при этом отмечается, что последняя наблюдается далеко не всегда.

Заключение. Отмечена зависимость лингвистической ситуации в Бельгии от политических и социокультурных факторов, при которой государственные границы играют существенную роль в самоидентификации носителей диалекта.

Ключевые слова: диалектология, диалектография, рипуарская диалектная группа, верхненемецкий, нижненемецкий, изоглоссы

Для цитирования: Тихонова Е. С. О границах языковых и политических (на примере рипуарской диалектной группы) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 106–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117.

© Тихонова Е. С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

On Linguistic and Political Borders (the Case of the Ripuarian Dialect Group)

Elena S. Tikhonova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>*

Introduction. The paper considers the Ripuarian dialect group spread on the territory of three modern states – Germany, Belgium and the Netherlands. The research concentrates on the dialect's reception by its speakers, while special attention is paid to the language situation in Belgium. Defining the correspondence of state and linguistic borders in this region might be of great current scientific interest.

Methodology and sources. The research methodology is based on Russian and foreign studies in dialectology (V. M. Zhirmunskii, F. Münch, W. Haubrichs) and dialectography (K. Haag, A. Bach, J. Kajot and H. Beckers). For the dialects' characteristics descriptive and comparative methods were used.

The analysis of the sociolinguistic situation is based on the works of P. Auer, Th. Frings, J. Kajot and H. Beckers and others. To follow the current dialect speakers' point of view the data from Belgian Internet-sites and forums were used. Such complex method allows to evaluate not only linguogeographic but also the newest extralinguistic facts.

Results and discussion. The paper examines the spread and the characteristics of the Ripuarian dialects, the history of their use in Germany, underlining the special role of Cologne's dialect. The situation with the Ripuarian dialects in modern Eastern Belgium is as well analyzed. Problems of self-identity of the dialect speakers and of dialect's connection to the High German are also considered.

Conclusion. The dependence of linguistic situation in Belgium on political and sociocultural factors, while the state boundaries play a significant role in the self-identity of dialect speakers.

Keywords: dialectology, dialectography, Ripuarian dialect group, High German, Low German, isoglosses

For citation: Tikhonova, E.S. (2022), "On Linguistic and Political Borders (the Case of the Ripuarian Dialect Group)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 106–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-106-117 (Russia).

Введение. В настоящей статье речь пойдет о рипуарской диалектной группе, которая принадлежит к среднефранкским диалектам и в диалектном континууме на Рейне занимает промежуточное положение между нижнефранкским, к которому принадлежит в том числе нидерландский язык, и мозельско-франкским [1, С. 3–4].

Данная группа диалектов распространена не только на территории современной Германии, но и на севере немецкоязычной части Бельгии, а также на юго-западе нидерландской провинции Лимбург.

На примере рипуарских диалектов рассматривается следующая актуальная проблема: как диалект, распространенный на территории нескольких государств, воспринимается его носителями и исследователями? Научная новизна настоящей статьи заключается в попытке ответить на вопрос, можно ли в такой ситуации говорить о едином диалекте или нет? А также

какую роль в ответе на этот вопрос играют политические, географические и когнитивные границы? И, наконец, диалект – это исключительно лингвистическое явление или же в том числе совокупность экстралингвистических факторов?

Методология и источники. Важной теоретической предпосылкой данной статьи является представление о том, что распространение диалектов определяется изоглоссами – воображаемыми линиями на карте, разграничивающими лингвистические явления. Отдельные языковые границы определяются следующими факторами: числом форм, охваченных звуковыми изменениями, частотой их употребления и степенью их изменения. Особенно важны для определения значимости границ звуковые изменения, затрагивающие ядро словарного состава языка – местоимения, частицы, вспомогательные глаголы. Инновации распространяются непрерывно, однако внутри них отдельные явления могут распространяться скачками. Важные языковые границы почти никогда не выступают в одиночку, но всегда объединяются с другими в пучки линий (нем. *Linienbündel*) [2, с. 73–74].

В XIX в. некоторые исследователи (в том числе Ж. Жильерон во Франции, Х. Шухардт и Г. Пауль в Германии) считали, что диалектные явления не имеют границ, а плавно перетекают друг в друга, но классик отечественной диалектологии В. М. Жирмунский категорически опровергал эту точку зрения [3, с. 470]. А. Бах отмечал, что границы диалектов имеют лишь тенденцию совпадать с границами территорий, но ей противодействуют разные силы [4, с. 115].

В. М. Жирмунский также подчеркивал, что отдельная изоглосса не равна лингвистической границе [3, с. 471]. Ученый отмечал, что там, где долго существуют политические и экономические границы, отдельные изоглоссы совпадают и образуют пучки, которые совпадают с границами общения, т. е. диалекты постоянно взаимодействуют с соседними. В прочих же случаях каждое грамматическое явление имеет собственные границы [3, с. 423].

Тем не менее, писал В. М. Жирмунский, распространение фонетического явления останавливается у политических и/или географических границ. Когда в одном месте накапливается достаточно сдвигов артикуляции, количество переходит в качество: теперь следует говорить не о фонетических вариантах, а о разных фонологических явлениях с противопоставлением крайних ступеней процесса (например, переход звуков /p/, /t/, /k/ в /f/, /s/, /x/) [3, с. 457]. Разные линии возникают не одновременно, а в течении некоторого периода времени, но вокруг одной «точки сбора», подготовленной исторической ситуацией. Распространение новых форм постепенно приводит к образованию линии, и в этом проявляется вечное стремление исключений стать правилом [5, S. 206].

В немецкоязычной диалектологии и диалектографии неоднократно встречается мнение, что в настоящее время границы диалектов все больше совпадают с государственными границами (П. Ауэр [6], Р. Гольц и А. Уокер [7], Л. Кремер [8]). Так, П. Ауэр указывает, что хотя политические границы и не влияют на лингвистические различия напрямую, но могут влиять на человеческие когнитивные карты так, что в представлении самих носителей политическая граница становится равной границе языковой, даже если языковые факты этому противоречат. Ссылаясь на Г. Зиммеля, П. Ауэр подчеркивает, что граница – явление не физическое, а ментальное, это когнитивное пространство [6, S. 12]. Он также отмечает, что, например, на границе немецкого и нидерландского языков последние 60 лет (статья напи-

сана в 2005 г., т. е. на данный момент уже почти 80 лет) есть развитие, и диалекты расходятся все больше. Диалекты испытывают сильное давление со стороны литературной нормы, которая символизирует национальную идентичность, поэтому диалектный континуум постепенно уступает место совпадению границ распространения диалекта и государственных границ [6, S. 18f.].

Х. Кахот и Х. Беккерс также отмечают, что граница диалектов пересекает государственные и культурные границы, но литературная норма оказывает все большее влияние [9, S. 155]. Р. Гольц и А. Уокер даже сомневаются, стоит ли причислять диалекты к северу от линии Бенрата – изоглоссой *taken/machen* «делать» в рамках второго передвижения согласных – к нижнефранкским, и отмечают, что все диалекты можно «приписать» к соответствующим литературным языкам [7, p. 32].

Влияние литературных языков (немецкого для Германии и нидерландского для Нидерландов и Бельгии соответственно) диалекты в рассматриваемом регионе испытывают, начиная с XIX в. Сокращение сферы употребления диалектов (функциональная потеря) приводит к структурным потерям. Теперь структурные различия существуют и в диалектах, а не только в том, какой литературный язык главенствует над ними. В сознании носителей также есть тенденция к замене диалекта в обиходе разговорным языком, который ориентируется на литературную норму. В результате диалект как средство коммуникации, не знающее границ, разрушается [8, S. 3401].

С естественными ландшафтными границами языковые границы могут совпадать отчасти, даже при отсутствии политических границ. Так, р. Рейн нигде не является языковой границей, и диалектные явления пересекают ее. А рипуарский и мозельско-франкский диалекты влияют друг на друга слабо, поскольку между ними есть естественное препятствие – горы Айфель на западе и горы Зибенгебирге на востоке. На севере же никаких препятствий для взаимопроникновения диалектов нет, поэтому на берегах р. Рур в рипуарский попали явления из нижнефранкского [1, S. 4–5].

С другой стороны, политические союзы с самого начала своего существования приспособились к ландшафту. Почти все современные языковые границы совпадают с политическими границами Нового времени [2, с. 74] либо с границами средневековых феодальных территорий [3, с. 424]. Так, граница рипуарского диалекта – это, по сути, граница курфюршества Кёльнского и герцогств Юлих и Берг. Граница же второго передвижения согласных на севере (линии Бенрата и Урдингена) представляет собой границу между курфюршеством Кёльн и герцогством Клеве [3, с. 559]. При этом влияние исчезнувших политических границ держится не более 300 лет, какими бы значительными они ни были, а новые начинают оказывать влияние уже через 30–50 лет, т. е. инновации распространяются очень быстро. Там же, где политические границы совпадают с физическими (с ландшафтом), образуются особо глубокие языковые границы [2, с. 75–76].

Таким образом, все исследователи сходятся в том, что политические границы так или иначе влияют на распространение диалектов. Для анализа ситуации непосредственно с рипуарской диалектной группой обратимся к ее признакам, распространению в ходе истории и современному, а также проанализируем восприятие данного лингвистического феномена его носителями посредством обращения к немецкоязычному сегменту бельгийского

Интернета. Источниками примеров диалектальных явлений послужили в том числе языковые карты Института страноведения и региональной истории [10].

Результаты и обсуждение. Граница рипуарской диалектной группы на севере совпадает с линией Бенрата, на юге эта граница доходит до Зигена, а на западе – до Эйпена в Бельгии. Южная граница довольно точно повторяет границу федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия. Рипуарские диалекты также представлены в двух небольших областях на севере федеральной земли Рейнланд-Пфальц – Бад-Нойенар-Арвайлер и Линц, входящих в Кёльнское курфюршество. Кроме того, рипуарские диалекты в ходу на севере немецкоязычной части Бельгии и на юго-западной окраине провинции Лимбург в Нидерландах [11].

От мозельско-франкского рипуарский отделяет изоглосса *dorp/dorf* «деревня», линия *dat/das* «что» – мозельско-франкский от рейнско-франкского, который, в свою очередь, на юге доходит до линии *appel/apfel* «яблоко». Все эти линии в совокупности образуют так называемую Рейнскую переходную область, которая на карте по форме похожа на раскрытый веер, откуда и немецкое название Рейнский веер (*Rheinischer Fächer*). Это состояние, которое в XIX в. зафиксировал с своими анкетами Георг Венкер, мало менялось примерно с 1000 г., когда в этот регион с юга на север проникло второе передвижение согласных. Лишь позднее к этим линиям присоединилась линия Урдингена, по которой проходит изоглосса *ik/ich* «я» [12, S. 20–22]. Чередование диалектных черт объясняется исторической раздробленностью данного региона на мелкие территории [5, S. 192].

Область распространения рипуарского диалекта от Аахена до Гуммерсбаха и от Кенигсвинтера до Бенрата представляет собой единый языковой континуум, в котором, несмотря на отдельные различия, общих черт больше [1, S. 6].

Более того, до второго перебора согласных рипуарский образовывал единообразный языковой континуум с диалектами на прилегающих к нему территориях в устье Рейна и на берегах Северного моря, особенно – с нижнефранкскими областями. Противопоставления ниже- и верхненемецкого тогда еще не существовало, рипуарский вместе с нижнефранкским, англосаксонским, фризским и древнесаксонским принадлежал к ингвеонским языкам. Фактически это был нижненемецкий язык с непередвинутыми согласными */p/, /t/, /k/*, а также */sk/* в абсолютном начале слова, */s/* перед согласным и */s/* после */r/*.

Кроме отсутствия второго перебора, рипуарские диалекты характеризуются такими явлениями, как вокализация (*rēt* «правый, правильный», нем. *recht*), компенсаторное удлинение перед спирантами (*dās* «барсук», нем. *Dachs*) и перед */rʃ/, /rs/* (*dūarš, dōrs* «жажда», нем. *Durst*), палатализация (*wīn* «вино», нем. *Wein*; *tsik* «время», нем. *Zeit*) и гуттурализация (*hoŋk* «собака», нем. *Hund*) [5, S. 147–149].

В распространении рипуарского на территории Германии в ходе истории нельзя переоценить престиж и влияние Кёльна, который находится в центре рипуарской диалектной территории, где уже с середины XIII в. в области права и делопроизводства происходит переход с латыни на рипуарский диалект. Процесс этот занял около 150 лет. В XIV–XV вв. происходит стабилизация консонантизма в письменном рипуарском, и применительно к Кёльну можно говорить о его стандартизации [13, S. 2720–2721]. Этот диалект, бывший в ходу в Кёльне до 1880-х гг. называют «кёльнский платт» (*kölsch Platt / platt Kölsch*) [12, S. 54], в отличие от современного кёльнского диалекта (*Kölsch*), который его вытеснил [12, S. 11].

В средневековом диалекте Кёльна, в отличие от остального рипуарского, было более последовательно проведено второе передвижение, но наблюдалось много различий в вокализме, что объясняется активной торговлей и престижем верхненемецкого [1, S. 6].

Рипуарский использовался также в областях, находившихся под экономическим и культурным влиянием Кёльна, и дольше всего как письменный язык он сохранялся в северной части Рейнской области, где влияние Кёльна было особенно сильно [13, S. 2722]. С присоединением новой территории к политическому центру, крупному или маленькому, туда приходили новые чиновники, приносившие с собой языковые инновации. Отдельные представители высших слоев общества еще в XI–XII вв. начали использовать южные, рипуарские формы, задолго до того, как они стали употребительны среди основной массы носителей диалекта. Так, южные формы проникли за нижнефранкскую границу, а второе передвижение со всеми его нижнефранкскими-рипуарскими противоречиями остановилось на границе графства Юлих, поскольку здесь заканчивалась сфера влияния юлихского административного аппарата. Юлих, в свою очередь, входил в сферу влияния Кёльна [5, S. 196–200]. Таким образом, под политическим влиянием Кёльна и его окружения старая граница между нижнефранкским и рипуарским сместилась с линии Бенрата на линию Урдингена, а между ними находился пучок переходных явлений [5, S. 99]. То есть для рипуарского надо говорить не о втором передвижении согласных, а о постепенном заимствовании верхненемецкой лексики [5, S. 156].

Влияние отдельных более-менее крупных центров до сих пор играет существенную роль. Так, вокруг Аахена есть своя, переходная рипуарско-лимбургская диалектная зона, но находящийся всего в 15 км от него на бельгийской территории Эйпен достаточно экономически независим, чтобы не попасть под его влияние, и в этом регионе также есть автономные инновации. С другой стороны, Эйпен слишком мал, чтобы самому распространять свое влияние на соседние области [9, S. 183–185].

Исторически зона распространения рипуарских диалектов выходила за пределы современной Германии. В. Хаубрихс подчеркивает, что следы франкских диалектов намного западнее современной романо-германской границы – в Северной Франции, Валлонии и Фландрии – это результат престижа германских диалектов на захваченных франками территориях. Первая политическая граница в Европе, проведенная по языковой границе, – это граница 1839 г., по которой франкоязычная часть Люксембурга отошла Бельгии [14, S. 3334f.].

В Средние века и Раннее Новое время существовал единый языковой континуум между средненидерландским на западе и средненемецким на востоке, и для письменного языка также не было четкой границы. Отдельные черты проявлялись сильнее в определенных областях. Для этого времени разграничить немецкий и нидерландский невозможно, для носителей это был один язык – *Diets/Duits/Deutsch* [8, S. 3397–3399].

Для развития национальных литературных языков и, соответственно, языковых границ огромную роль сыграл отказ от латыни как языка делопроизводства, что на Нижнем Рейне произошло в конце XIII в. При этом южная часть Нидерландов рано (в XIV–XV вв.) подверглась сильному рипуарскому влиянию, вплоть до предпочтения рипуарского письменного языка в Мерсе. Однако последующий отказ от региональных письменных языков на нижненемецком севере и в Кёльне и его постепенное вытеснение верхненемецким, а также

растущий вместе с политическим и культурным значением Нидерландов престиж нидерландского на западе сделали для нижнерейнского региона невозможным сохранение собственного письменного языка [15, S. 2633–2634].

Языковое самосознание начало развиваться с XVII в. – с появлением государственной границы, но вплоть до XVIII в. все еще можно говорить о едином диалектном континууме. Лишь с XVIII в. как носители языка, так и ученые начинают различать нидерландский и немецкий [8, S. 3397–3400], а термин «нидерландский» правомочен с XVI в., когда начинает складываться литературный язык. До того речь должна идти о нижнефранкском или нижнерейнском [15, S. 2629], который был близок к рипуарским диалектам, в то время как современный ближе к фризскому языку [3, с. 556].

В Германии о переходе от письменного диалекта к общему для всех верхненемецкому можно говорить, начиная с XVI в., когда одновременно со сменой ценностей для собственной идентичности становится более значимым не только родной город, а вся немецкая империя. Диалекты начинают восприниматься как нечто низкое и теряют свой статус. Лишь с XIX в., после французского вторжения в Рейнскую область, диалекты вновь начинают оцениваться положительно (свою лепту здесь также внес немецкий национальный романтизм) [13, S. 2723–2725].

Со второй половины XIX в. происходит постепенное, а после Второй мировой войны – стремительное «оверхненемечивание» нижнефранкских диалектов. По другую сторону границы одновременно происходит «нидерландизация». Эти факторы приводят к разрыву некогда единого диалектного континуума по обе стороны границы [15, S. 2637]. К. Маттейер предполагает, что сейчас можно говорить о дедиалектизации (*Entdialektisierung*) немецкого [15, S. 2726]. Г. Корнелиссен, напротив, говорит о возрождении диалектов, по крайней мере в регионе Кёльна с 1970-х гг. [12, S. 130].

Обратимся к современному положению рипуарской диалектной группы в Бельгии. На рипуарской группе диалектов среди прочих говорят в Валлонии, где в общей сложности около 100 тыс. человек являются носителями германских языков и/или диалектов – в том числе немецкого, люксембургского и лимбургского. Рипуарский в германоязычных кантонах основан преимущественно на диалекте Кёльна. Кроме того, на северо-востоке бельгийской провинции Льеж в ходу переходной языковой вариант между лимбургским и рипуарским – так называемый плат-дитс, который в 1992 г. был признан в Валлонии одним из региональных языков [16, с. 101].

Однако данный региональный язык представляет собой определенную терминологическую проблему, отчасти обусловленную областью его распространения (Германия, Нидерланды, Бельгия). Так, диалектологи Германии используют термин «рипуарский франкский», во Фландрии и Нидерландах – «юго-восточный лимбургский», а в Валлонии и Франции – «каролингский франкский». Нидерландский лингвист Ж. Фринс предлагал для диалектов в радиусе 15–20 км вокруг Аахена термин «лимбургский язык трех государств» (нем. *Länderdreieck*). Также в ходу название «лимбургско-рипуарский», которое подразумевает, что это самостоятельный, отдельный от лимбургского языка, на что указывают романские черты в синтаксисе, а также заимствования из французского и валлонского языков [16, с. 109].

На диалектную принадлежность разных областей Бельгии также существуют разные точки зрения. Согласно Й. Шрайнену, регион Льежа, как и так называемая Немецкая полоса (*Deutsche Strich*), с точки зрения употребительного языка является нидерландским или фламандским, но не немецким, хотя верхненемецкий и используется там как язык культуры (например, на нем ведется церковная служба). Языком общения является нижненемецко-(нижнефранкско-)лимбургский. А регион Эйпена органично связан с нижнефранкским Лимбурга и Рейнской области [5, S. 102].

Носители этих диалектов считают, что их нельзя причислить ни к немецкому, ни к нидерландскому, но надо рассматривать как нижнефранкско-рипуарские диалекты. Однако языком культуры является немецкий, который как таковой вытесняет рипуарский, например, в учреждениях Балена, Монцена и Вальхорна [17].

На дискуссию о месте рипуарских диалектов в Восточных кантонах Бельгии влияют и политические причины. Так, в коммуне Вурен до сих пор есть носители рипуарских диалектов, из-за чего фламандские власти настаивают на германском характере этого региона и продолжают внедрять фламандский вариант нидерландского языка. В свою очередь, валлонские власти поддерживают плат-дитс как альтернативу нидерландскому и немецкому языкам, которые воспринимаются как угроза французскому [16, с. 109–110].

С точки зрения социолингвистики одна из проблем заключается в том, что немецким диалектам на франкофонной территории в Восточной Бельгии не противопоставлен немецкий литературный язык как норма, в том числе это играет принципиальную роль для (само)идентификации носителей диалекта [9, S. 151], поскольку национальная идентичность складывается из языка, социокультурных маркеров и социокоммуникативного пространства [13, S. 2714]. Влияние литературного немецкого фактически ограничивается несколькими населенными пунктами на границе с Германией.

Далее, немецкоязычные территории Бельгии неоднородны, это не самостоятельная группа диалектов, но связанная с рипуарскими диалектами на территории Германии в области между линией Бенрата и изоглоссой *dorf/dorp* «деревня»: северная часть Бельгии (провинция Льеж) делится на нижнефранкский Эйпен и рипуарско-мозельско-франкский Сен-Вит. Кроме того, на немецком говорят на юге, в Арлонских землях (провинция Люксембург). Между ними проходит полоса шириной около 40 км, принадлежащая Великому Герцогству Люксембург. Внутри Бельгии граница между фламандскими и немецкими диалектами совпадает с пучком изоглосс [9, S. 151–152]. Важную роль играет и экстралингвистический критерий, а именно граница Бельгии, Германии и Люксембурга.

Еще одной проблемой является вопрос престижа диалектов. Если в деревнях бельгийского Айфеля число носителей диалекта еще относительно высоко, то на севере немецкоязычного сообщества, особенно в Эйпене и Кеттени, диалект используют намного меньше людей, особенно как язык администрации [18].

С одной стороны, в немецкоязычном сообществе ведутся споры, надо ли обучать детей плат-дитс, не является ли он «упрощенным» или даже «испорченным» рипуарским вариантом литературного немецкого языка. С другой стороны, сами бельгийцы считают необходимым проводить мероприятия по поддержке плат-дитс и других диалектов, принимать меры по сохранению этой части их культурного наследия [18].

При этом само немецкоязычное сообщество стремится к трехязычной Бельгии, а немецкий имеет шанс стать языком культуры [19]. В Брюсселе, однако, этого не замечают, несмотря на то что формально немецкий является одним из государственных языков. Более того, игнорируется даже тот факт, что Валлония и Льеж фактически двуязычны (французский и немецкий). Даже английский в Брюсселе получает статус официального языка, а немецкий – нет. При этом примерно для 20 тыс. жителей Брюсселя немецкий является родным языком. Сложилась ситуация, когда культурное сообщество есть, а конституционного статуса у него нет. При этом именно лимбургско-рипуарский диалектный континуум мог бы стать объединяющим фактором, поскольку он является единственным германским языком Бельгии, который соединяет Фламандский и Валлонский регионы в языковом и культурном отношениях: лимбургский язык Фландрии перетекает в плат-дитс Валлонии и наоборот [16, с. 114].

Оказавшись после Второй мировой в Бельгии, немецкоязычное сообщество с трудом смогло выработать собственное самосознание. В ходе двух мировых войн в Германии общины между Монценом и Баленом, говорящие на плат-дитс, рассматривались как часть Германии, и лишь после Второй мировой они вернулись к Бельгии.

В случае не такого уж маловероятного распада Бельгии у немецкоязычного сообщества есть четыре возможности: остаться в независимой Валлонии, создать собственное государство, вернуться в Германию или объединиться с Великим Герцогством Люксембург [16, с. 114].

Сами немецкоязычные жители Бельгии подчеркивают, что они – лояльные бельгийские верноподданные [20], однако же идентифицируют себя с немецким языком [21]. В этом свете интересен следующий комментарий в Интернете, предположительно от немецкоговорящего гражданина Бельгии: «Дать немецкоязычному сообществу статус региона или как минимум провинции было бы следующим логичным шагом» [19].

Заключение. В случае с рипуарской диалектной группой речь идет именно о диалектном континууме, различающемся отдельными чертами, но с преобладанием общих для всех составляющих его диалектов явлений. Этот континуум распространен на территории, совпадающей с политическими границами позднесредневековых государственных образований, но не с современными.

Показательно, что сами носители рипуарских диалектов в Бельгии разграничивают употребление диалектов и немецкого литературного языка и далеко не всегда идентифицируют себя как «носителей рипуарского диалекта», о чем говорит в том числе отсутствие единой терминологии. Диалект, независимо от того, называется ли он «плат-дитс» или «рипуарский», не равен немецкому языку.

Таким образом, политические границы влияют не на само распространение диалектов, но на то, как носители их воспринимают и с каким литературным языком их ассоциируют. Нельзя недооценивать и влияние диалектов или региолектов экономически крупных центров – например, Кёльна и Аахена в Германии или Эйпена в Бельгии. Именно эти экстралингвистические факторы и воздействуют на положение рипуарских диалектов в Восточной Бельгии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Münch F. Grammatik der ripuarisch-fränkischen Mundart. Wiesbaden Bonn: Co-hen, 1904.
2. Хааг К. О границах диалектов // Немецкая диалектография: сб. статей / пер. с нем. Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 70–91.

3. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. М.: Наука, 1974.
4. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография: сб. статей / пер. с нем. Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 92–149.
5. Frings Th., van Ginneken J. Zur Geschichte des Niederfränkischen in Limburg // Zeitschrift für Deutsche Mundarten. 1919. № 14. S. 97–209.
6. Auer P. The construction of linguistic borders and the linguistic construction of borders // *Dialects across Borders. Selected papers from the 11th international conference on methods in dialectology (methods XI)*, Joensuu, August 2002. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B. V., 2005. P. 3–30.
7. Goltz R. H., Walker A. G. H. North Saxon // *The Dialects of Modern German. A Linguistic Survey* / ed. by Ch. V. J. Russ. London: Routledge, 1990. P. 31–58.
8. Kremer L. Geschichte der deutsch-friesischen und deutsch-niederländischen Sprachgrenze // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage* / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 4. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2004. S. 3390–3404. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3390>.
9. Kajot J., Beckers H. Zur Diatopie der deutschen Dialekte in Belgien // *Bijlagen van de Vereniging voor Limburgse Dialect- en Naamkunde*. 1979. № 1. P. 150–218.
10. Sprachkarten. URL: https://rheinische-landeskunde.lvr.de/de/sprache/wissensportal_neu/sprachkarten_1/sprachkarten.html (дата обращения: 10.11.2021).
11. Рипуарские диалекты // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рипуарские_диалекты (дата обращения: 10.11.2021).
12. Cornelissen G. Kölsch. Porträt einer Sprache. Köln: Greven, 2019.
13. Mattheier K. J. Aspekte einer rheinischen Sprachgeschichte // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage* / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 3. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2003. S. 2712–2729.
14. Haubrichs W. Geschichte der deutsch-romanischen Sprachgrenze im Westen // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage* / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 4. Teilband. Berlin/NY: Walter de Gruyter, 2004. S. 3331–3346. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3331>.
15. Eickmans H. Aspekte einer niederrheinischen Sprachgeschichte // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage* / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, S. Sonderegger. 3. Teilband. Berlin; NY: Walter de Gruyter, 2003. S. 2629–2639. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110194173-025>.
16. Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А. Языковая ситуация в современной Бельгии. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.
17. Dialekt und Landessprache // Royal Syndicat d'initiative. Trois-Frontières. URL: <https://www.trois-frontieres.be/D/dialecte.php> (дата обращения: 10.11.2021).
18. Ostbelgien Direkt. Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft? // *Ostbelgiendirekt*. URL: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (дата обращения: 10.11.2021).
19. Belgieninfo. Wir sprechen Deutsch! // *Belgieninfo*. URL: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (дата обращения: 10.11.2021).
20. Im Osten Belgiens spricht man Deutsch // *Welt*. URL: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (дата обращения: 10.11.2021).
21. Die Menschen in der Deutschsprachigen Gemeinschaft // *Das Bürgerinformationsportal*. URL: https://ostbelgienlive.be/desktopdefault.aspx/tabid-1052/1527_read-45661 (дата обращения: 10.11.2021).

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор свыше 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.11.2021; принята после рецензирования 22.12.2021; опубликована онлайн 22.11.2022.

REFERENCES

1. Münch, F. (1904), *Grammatik der ripuarisch-fränkischen Mundart*, Cohen, Bonn, GER.
2. Haag, K. (1955), "On the Dialects' Borders", *Nemetskaya dialektografiya* [German Dialectography], Transl. by Sigal, N.A., in Zhirmunskii, V.M. (ed.), *Inostrannaya literatura*, Moscow, RUS, pp. 70–91.
3. Zhirmunskii, V.M. (1974), *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic Linguistics], Nauka, Moscow, USSR.
4. Bach, A. (1955), "German Dialectology", *Nemetskaya dialektografiya* [German Dialectography], Transl. by Sigal, N.A., in Zhirmunskii, V.M. (ed.), *Inostrannaya literatura*, Moscow, RUS, pp. 92–149.
5. Frings, Th. and van Ginneken, J. (1919), "Zur Geschichte des Niederfränkischen in Limburg", *Zeitschrift für Deutsche Mundarten*, 14 Jahrg., S. 97–209.
6. Auer, P. (2005), "The construction of linguistic borders and the linguistic construction of borders", *Dialects across Borders. Selected papers from the 11th international conference on methods in dialectology (methods XI)*, Joensuu, August 2002, Markku Filppula et al. (eds.), John Benjamins B.V., Amsterdam; Philadelphia, pp. 3–30.
7. Goltz, R.H. and Walker, A.G.H. (1990), "North Saxon", *The Dialects of Modern German. A Linguistic Survey*, Russ, Ch.V. J. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 31–58.
8. Kremer, L. (2004), "Geschichte der deutsch-friesischen und deutsch-niederländischen Sprachgrenze", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 4. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 3390–3404. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3390>.
9. Kajot, J. and Beckers, H. (1979), "Zur Diatopie der deutschen Dialekte in Belgien", *Bijlagen van de Vereniging voor Limburgse Dialect- en Naamkunde*, no. 1, pp. 150–218.
10. *Sprachkarten*, available at: https://rheinische-landeskunde.lvr.de/de/sprache/wissensportal_neu/sprachkarten_1/sprachkarten.html (accessed 10.11.2021).
11. "Ripuarian Dialects", *Wikipedia*, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рипуарские_диалекты (accessed 10.11.2021).
12. Cornelissen, G. (2019), *Kölsch. Porträt einer Sprache*, Greven, Köln, GER.
13. Mattheier, K.J. (2003), "Aspekte einer rheinischen Sprachgeschichte", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 3. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 2712–2729.
14. Haubrichs, W. (2004), "Geschichte der deutsch-romanischen Sprachgrenze im Westen", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 4. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 3331–3346. <https://doi.org/10.1515/9783110180411.4.20.3331>.

15. Eickmans, H. (2003), "Aspekte einer niederrheinischen Sprachgeschichte", *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, 3. Teilband*, in Besch, W., Betten, A. and Sonderegger, S. (eds.), Walter de Gruyter, Berlin; NY, GER, S. 2629–2639. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110194173-025>.
16. Zhuravleva, O.M. and Ul'yanitskaya, L.A. (2020), *Yazykovaya situatsiya v sovremennoi Bel'gii* [Linguistic Situation in Modern Belgium]. ETU Publishing House, SPb., RUS.
17. "Dialekt und Landessprache", *Royal Syndicat d'initiative. Trois-Frontières*, available at: <https://www.trois-frontieres.be/D/dialecte.php> (accessed 10.11.2021).
18. "Ostbelgien Direkt. Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft?", *Ostbelgiendirekt*. available at: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (accessed 10.11.2021).
19. "Wir sprechen Deutsch!", *Belgieninfo*, available at: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (accessed 10.11.2021).
20. "Im Osten Belgiens spricht man Deutsch", *Welt*, available at: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (accessed 10.11.2021).
21. "Die Menschen in der Deutschsprachigen Gemeinschaft", *Das Bürgerinformationsportal*, available at: https://ostbelgienlive.be/desktopdefault.aspx/tabid-1052/1527_read-45661 (accessed 10.11.2021).

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntaxis, German dialectology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.11.2021; adopted after review 22.12.2021; published online 22.11.2022.*